

VI. ЗОДЧЕСТВО

Дух историзма, столь свойственный древнерусской политической мысли, литературе, грандиозно развившемуся летописанию, пронизывал собою и русское средневековое искусство. Зодчество и политика, зодчество и историческая мысль были тесно объединены между собою. Возведение крупных архитектурных сооружений всегда имело в древней Руси определённый исторический смысл, с ними связывались перемены в политическом положении княжеств, к ним приурочивалось создание новых летописных сводов. Вот почему древнерусские города не знали городских скульптурных монументов в память тех или иных событий и героев: их заменяли самые архитектурные сооружения, знаменовавшие собою целые исторические этапы и всегда овеянные роем исторических воспоминаний.

С созданием первых летописных сводов были связаны София в Киеве и София в Новгороде; к созданию владимирско-суздальских соборов были приурочены многие из летописных сводов северо-восточной Руси; с построением каменной соборной церкви в Твери было соединено начало тверского летописания и т. д.

Так было и в Москве. Постройками Московского Кремля при Дмитрии Донском и Иване III были ознаменованы крупнейшие изменения в политическом положении Москвы. Строительство Успенского собора в 1471 и 1478 гг. было связано с новгородскими походами Ивана III и отмечено составлением летописных сводов. Дьяковская церковь и церковь Вознесения в селе Коломенском, как и впоследствии Покровский собор на рву (церковь Василия Блаженного), были также своеобразными памятниками исторических событий.

Тесно связанная с ростом Русского государства, русская архитектура достигла стремительного подъёма в конце

XV в. — в эпоху образования русского национального государства. Может быть, отчётливее, чем какое-либо другое искусство, зодчество конца XV — начала XVI в. отразило возросший международный авторитет Руси, явилось живым воплощением идей эпохи, широких и дальновидных надежд русских людей на блестящее будущее русского народа.

1

В 1366 г. (по другим сведениям, в 1367 г.) началось строительство нового каменного Московского Кремля на месте деревянных укреплений Ивана Калиты. Московская летопись так записала об этом событии: «тое же зимы (1366 г.) князь великий Дмитрий Иванович, погадав (обсудив) с братом своим с князем Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслиша, то и сътвориша, тое же зимы повезоша камень к городу».¹

Каменный Кремль Дмитрия Донского был значительно больше прежнего дубового. Он был расширен почти до пределов нынешнего. Стрельницы Беклемишевская, Водовзводная, Спасская, Боровицкая — находились на тех же местах, что и ныне. Лишь Никольская стрельница несколько отступала от линии стен Кремля Ивана III, да не существовало стрельницы на месте нынешней Угловой Арсенальной. Как выглядел этот новый кремль Дмитрия Донского, представить себе очень трудно, но ясно одно, что стены его были не ниже теперешних, так как до введения огнестрельного оружия высота их служила главной защитой для обороняющихся.

Построение каменного Московского Кремля тотчас же отразилось на внешней политике Дмитрия Донского, и это было замечено современниками. Не случайно тверской летописец так записал об этом событии под 1367 г.: «Того же лета князь велики Дмитрий Иванович заложил град Москву камен, и начаша делати безпрестани. И всех князей русских привожаше под свою волю, а которыя не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати...».² Москва становилась неприступной для врагов. Нашествия Ольгерда на Москву и в 1368 и в 1370 гг. были безуспешны. Её

¹ Симеоновская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XVIII, СПб. 1913, стр. 106.

² Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей, т. XI. СПб. 1897, стр. 8.

Построение Московского Кремля при Дмитрии Донском
(Миниатюра Остермановской летописи)

авторитет колоссально возрос. И не случайно, когда в 1375 г. Дмитрий Донской двинулся к Твери, к его полкам примкнуло 19 русских князей.

2

С княжения Дмитрия Донского начинается усиленный интерес к памятникам владимирского зодчества. Дело, конечно, не в том, что Москва училась на памятниках владимирско-суздальского зодчества строительным приёмам; интерес к архитектуре Владимира был обусловлен в первую очередь всё той же политической идеей владимирского наследства, которая направляла и меч московской политики. Архитектурная мысль следует политическим идеям своего времени. В течение всего XV в. московские архитекторы воплощают заветы владимирского зодчества так же точно, как московские великие князья воплощают в своей политике идеи владимирского великого княжения.

Интерес к владимирскому зодчеству становится особенно интенсивным в годы княжения «великого князя владимирского и московского» Дмитрия Ивановича Донского.

Повидимому, именно в княжение Донского ремонтируется Успенский собор во Владимире. Владимирский Дмитриевский собор становится княжим; в 1380 г. из него перевозится в Москву икона Дмитрия Солунского.

Супруга Дмитрия Донского Евдокия и его сын Василий вносят богатые вклады во владимирский Рождественский собор, связанные с памятью Александра Невского. Евдокия строит в 1393 г. в Московском Кремле церковь Рождества богородицы, отдельные архитектурные детали которой приводят на память формы церкви Рождества богородицы в замке Андрея Боголюбского.

В княжение сына Донского — Василия Дмитриевича — открывается и первая в русской истории эпоха архитектурных реставраций. В 1403 г. обновляется древний собор в Переяславле-Залесском. В 1408 г. Андрей Рублёв и Даниил Чёрный, по приказу Василия Дмитриевича, возобновляют древние росписи владимирского Успенского собора.

Полоса этих реставраций тянулась в течение всего XV в. Она захватила собой Ростов, Тверь и Новгород, где восстанавливались «на старой основе» архитектурные сооружения эпохи национальной независимости.

В самой Москве не сохранилось цельных памятников архитектуры конца XIV — начала XV в. Остатки стен и

фундаментов построек этой поры дают лишь слабое представление о начавшемся подъёме московской архитектуры, всё более и более стремящейся к нарядности и пышности.

Все сохранившиеся здания этой поры выстроены на средства второго сына Дмитрия Донского — Юрия Дмитриевича, начавшего длительную распрю в великокняжеской семье за московское княжение.

Характерно, что и в постройках Юрия Дмитриевича доминирует всё та же идея владимирского наследства. Звенигородский собор 1400 г., собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода 1404 г., Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря 1423 г., Троицкий собор Александровской слободы 1432—1434 гг. — все эти храмы близки по своему типу к архитектуре Владимира. Особенно близок к владимирским храмам Звенигородский. Если восстановить древнее посводное покрытие этого собора, то мы будем иметь строение, весьма близкое по своему типу к церкви на Нерли или Дмитриевскому собору во Владимире.

3

Архитектура эпохи Возрождения на Западе значительно запаздывала в своём развитии сравнительно с живописью. Лишь с середины XV в. наступает период, когда архитектура, по преимуществу итальянская, начинает быстро двигаться вперёд и достигает, наконец, в XVI в. грандиозного развития, соответствовавшего масштабам эпохи.

Идея величия — основная идея зодчества итальянского Возрождения. Она находит себе воплощение сперва в архитектуре отдельных зданий, а затем, в начале XVI в., в первых сооружениях целых городских ансамблей. В самом начале XVI в. папа Юлий II задумывает коренную перестройку своей резиденции. Все лучшие архитекторы, скульпторы и живописцы приглашаются в Рим. Римские зодчие ищут решения больших задач. Браманте создаёт грандиозные проекты Ватикана и собора св. Петра. Впервые западная архитектура принималась за создание целых ансамблей подобного размаха и за реконструкцию целых районов города.

Москвичи раньше, чем архитекторы Запада, становятся на путь грандиозных перестроек, принимаются за создание ансамбля, размах которого превзошёл европейские.

Создание русского национального государства было ознаменовано грандиозным строительством Московского Кремля. При этом объединительной политике московских великих князей и объединительной политике московских летописцев, соединивших в обширных сводах разрозненное летописание различных русских областей, соответствуют объединительные тенденции в области московского искусства. В грандиозной строительной деятельности Москвы приняли участие зодчие и художники из Пскова, Новгорода, Твери, Владимиро-Суздальского княжества, а также архитекторы самой передовой в архитектурном искусстве страны тогдашней Европы — Италии. Москва становится столицей большого европейского государства.

В 1474 г. в Москву приезжает выдающийся инженер Северной Италии Аристотель Ридольфо Фиораванти. Приглашение его было чрезвычайно удачным: это был необычайно разносторонний и сведущий в различных областях человек и вместе с тем лишённый резко выраженных индивидуальных вкусов архитектор, послушный исполнитель воли своих заказчиков.

На родине Аристотель прославился главным образом как мастер инженерного искусства. В документах архива Болоньи он называется «удивительным гением», его творения объявляются «невероятными» и утверждается, что нет человека, который бы знал в архитектуре что-либо, чего бы не знал Фиораванти. Впервые в истории строительного искусства Аристотель Фиораванти осуществил передвижение огромного здания. Он передвинул в Болонье на 35 футов колокольню церкви св. Марка со всеми колоколами. Передвижение это было выдающимся событием. Он стал известен, получил награду от папы Николая V и свёл личное знакомство с кардиналом Виссарионом, впоследствии сносившимся с Иваном III по поводу брака его с Софьей Палеолог.

В Ченто Аристотель Фиораванти выпрямил колокольню церкви Власия; в Венеции он выпрямил башню при церкви св. Ангела; в Болонье он занимался исправлением и постройкой городской стены, он исправлял арки моста в Павии, строил Пармский канал, выпрямлял башню в Мантуе, выпрямлял городскую стену в Парме, исправлял крепостные сооружения в Аббиятеграссо, Бойеда, Сартирано, выпрямлял русло реки Кростоло. В 1467 г. он возводил для венгров укрепления на Дунае против турок, за что венгерский король возвёл его в сан рыцаря и при-

казал отчеканить монету с изображением Аристотеля. В Ченто Аристотель строил водопровод, в Неаполе поднимал со дна моря тяжёлый ящик и т. д.

Как специалист по исправлению технических недочётов зданий и как выдающийся военный инженер своего времени Аристотель Фиораванти и был приглашён в Москву русским послом в Венеции Семёном Толбузиным, в связи с неудачей, постигшей русских мастеров при постройке Успенского собора.

В 1470 г. московский Успенский собор, построенный в 1326 г., пришёл в чрезвычайную ветхость. Иван III решил выстроить новый Успенский собор. По распоряжению митрополита Филиппа, московские зодчие Мышкин и Кривцов обмерили Успенский собор во Владимире с тем, чтобы воспроизвести его в Москве в ещё больших размерах. Начав свою грандиозную постройку, Мышкин и Кривцов устроили внутри северной стены лестницу, ведущую на хоры. Стена не выдержала давления сводов и рухнула, чему способствовало ещё и землетрясение. Крупнейший московский строитель того времени — В. Д. Ермолин, специалист по исправлению технических недочётов зданий, разошёлся со строителями Успенского собора. Поэтому были приглашены эксперты со стороны — псковичи, которые определили плохие качества извести и кладки с забутовкой. Приехавший затем Аристотель Фиораванти подтвердил определение псковичей, но, впрочем, одобрительно отозвался о гладкости работы московских каменщиков.

Аристотель разобрал неудачную постройку Мышкина и Кривцова, сохранил некоторые части здания, относившиеся к 1326 и 1459 гг., и приступил к постройке нового Успенского собора, отказавшись от слишком смелых размеров проекта Мышкина и Кривцова.

Замечательно, что Аристотель Фиораванти подпал в Москве под мощное влияние русского искусства и сохранил в постройке Успенского собора лишь немногие новые для Руси архитектурные приёмы. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, Аристотель совершил обширное путешествие по русским городам. На Успенском кремлёвском соборе сильно отразилось воздействие архитектуры Успенского собора во Владимире и Софии Новгородской. Русские заказчики поставили Аристотелю за образец Успенский собор во Владимире, и Аристотель с чрезвычайною похвалою отозвался о его

архитектурных качествах, признав близость его к архитектуре Италии.

Аристотель добросовестно учился у русских мастеров. В своём письме к герцогу Миланскому он писал, что «находится в великом государстве, в городе славнейшем, в богатейшем и торговом».¹

Но кроме Успенского собора, возможно, Аристотелю был дан в образец и Софийский собор в Новгороде, — городе, воссоединение которого с Москвой было самым грандиозным событием в жизни Русского государства того времени. Во всяком случае, в облике Успенского собора несомненно отразились и архитектурные формы владимирского Успенского собора и благородная простота Софии Новгородской.

Нововведением для Москвы явились 4 круглых столба-колонны внутри церкви, поддерживающие купол и когда-то имевшие фигурные капители. Летописец говорит об этих колоннах, что верх храма покоится «аки на четырех древах». Аристотель применил при построении собора новые технические приёмы: изменил размеры кирпича, состав извести, ввёл железные связи вместо деревянных. Кровлю собора делали новгородские мастера, покрывшие его сперва деревом, а затем белым железом. В 1514 г. собор был расписан внутри фресками русских художников.

Таким образом, в Успенском соборе сочетались строительные традиции Москвы, Италии, Владимира и Новгорода. Но сочетание это не повело к эклектизму форм. Наоборот, Успенский собор поражает строгою простотою пропорций, лаконизмом своих художественных средств. Элементы итальянской, владимирско-суздальской, московской и новгородской архитектуры слиты в нём с необычайной свободой. Такая благородная простота постройки говорит не только о совершенстве зодчего, но и о хороших вкусах заказчиков, которые, требуя построения нового центра православного христианства и вмещиваясь во все детали архитектуры храма, не загромождали его, в поисках грандиозного, ненужными деталями.

В 1482—1490 гг. мастера-псковичи построили в Московском Кремле Благовещенский собор, в основном сохраняющий старый тип московской архитектуры. В 1485—

¹ К. А. Хребтович-Бугенев, Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора, и письмо его из Москвы 1476 года, «Старая Москва», вып. II, М. 1914, стр. 30.

1486 г., возможно, теми же псковскими мастерами выстроена нарядная Ризоположенская церковь Московского Кремля на запад от Успенского собора.

В 1487 г. началось строительство грандиозного дворца Ивана III. Марко Руффо и Пиетро Антонио Солари построили в Кремле Грановитую палату, сохранившуюся до нашего времени в сильно изменённом виде. Снаружи палата была выложена белыми гранёными камнями (рустами), от которых и получила своё название. Грановитая палата предназначалась для торжественных приёмов и празднований: здесь впоследствии Иван Грозный праздновал покорение Казани, а затем Пётр — полтавскую победу.

В том же 1487 г. Марко Руффо заложил Малую (или Набережную) палату и др. Постройка дворца, прерванная пожаром 1493 г., была закончена лишь в 1508 г.

В Кремлёвском дворце яснее всего проявились русские принципы строительства. В древней Руси дворцовые постройки создавались как комплексы отдельных палат, соединённые крыльцами и переходами и увенчанные разнообразными кровлями. Так и в строительстве Кремлёвского дворца: фасад его выходил на Соборную площадь, здесь были Грановитая и Золотая палаты, связанные между собою Красным крыльцом. Южное крыло дворца составляли Большая, Средняя и Малая Набережные палаты; северное крыло — Наугольная, Постельная, Проходная, хоромы самого великого князя и его приёмная. Между южным и северным крыльями помещалась древняя церковь Спаса на Бору. Нижние этажи этих зданий служили подклетьями. Вторые этажи были связаны между собою переходами и крыльцами. Высокие многочисленные кровли дворца поражали разнообразием форм и составляли его самую примечательную часть. В записке Растрелли, перестроившего остатки этого дворца в XVIII в., сказано: «в оном Кремлевском дворце всего покоев и с погребами находится до тысячи номеров и немалое количество открытых площадок и галлерей».

В 1505 г. на старом основании постройки Ивана Калиты был заложен Архангельский собор, законченный через четыре года и, так же как и Успенский собор Аристотеля Фиораванти, сохранивший общий тип пятиглавого русского храма и другие типично-русские архитектурные черты.

Наконец, при Иване III были начаты и самые важные строительные работы — постройка стен и башен Москов-

ского Кремля на месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского. Исполнителями работ были Антон Фрязин, Марко Руффо, Пиетро Антонио Солари и Алевиз. В разработке плана, возможно, участвовал знаток крепостной архитектуры Фиораванти, но общий замысел Кремля, его планировка, указание последовательности работ несомненно принадлежали самому Ивану III.

В строительстве Кремля вполне сказался личный характер Ивана III: всё делалось не спеша, планомерно, на столетия вперед. Постройка Кремля производилась частями, постепенными заменами, чтобы не нарушать обороны Кремля.

В первую очередь, 29 марта 1485 г., была заложена Тайницкая стрельница (башня) с «тайником», т. е. родником под ней для добывания воды. Она обеспечивала защитникам Кремля воду в случае длительной осады и вместе с тем укрепляла одну из самых угрожаемых в случае татарского нападения сторон Кремля. Затем два года шла грандиозная подготовка дальнейшего строительства. В 1487 г. Марко Руффо заложил Беклемишевскую стрельницу, а в 1488 г. Антон Фрязин — Свибловскую, также с тайниками под нею. Тем самым в первую очередь была укреплена южная сторона, откуда обычно появлялись татары.

В 1488 г. страшный пожар испепелил Москву из конца в конец. Современники утверждали, что это был самый большой пожар, который когда-либо опустошал Москву. В народе некоторые говорили, что пожар этот возник по божьему гневу за «великую государскую нечесть»: за сломку церквей, монастырей и перенос кладбищ, которые находились перед кремлёвскими стенами и мешали обстрелу из кремлёвских пушек в случае появления неприятеля. «Князь велики, — говорили суеверные люди, — церкви на Москве все выметал вон, где престол стоял да жертвеник и те места не проходны; а ныне те места не огорожены, ино и собаки на то место ходят и всякий скот». Пожар этот несколько задержал производство работ. Однако в 1490 г. Пиетро Антонио Солари поставил Боровицкую стрельницу и Константино-еленинскую и вывел стену от Свибловской стрельницы до Боровицкой. В следующем, 1491 г., Пиетро Антонио Солари совместно с Марко Руффо поставил Фроловскую (Спаскую) стрельницу и Никольскую и построил стену от Никольской стрельницы до реки Неглинной. В 1492 г.

Пиетро Антонио Солари поставил Арсенальную (Собакину) стрельницу, заложил стену от Фроловских (Спасских) ворот до Никольской стрельницы и вывел новую стену над Неглинной. Таким образом, вся восточная сторона Кремля была также готова.

Затем снова наступил перерыв, связанный с колоссальными гидравлическими работами на реке Неглинной: прежде возведения стен надлежало укрепить грунт и берега, расчистить место перед стенами. Несмотря на протесты, в 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглинною; и постави меру от стены до дворов сто сажен да девять» — в этих пределах запрещались всякие строения.

Русские послы Мануйло Ангелов Грек и Данило Мамырев привезли в 1494 г. из Италии Алевиза, которому были поручены все гидротехнические работы.

В 1495 г. Иван III велел сносить церкви и дворы за Москвою-рекою, и на местах, освободившихся от сноса строений, началось устройство большого сада. Одновременно Алевизом производились работы по постройке западной стены Кремля.

Ивану III не удалось довести до конца постройку Кремля. Он скончался в 1505 г., и работы продолжались при Василии III. В 1508 г. Василий III повелел делать вокруг Кремля выложенный камнем и кирпичом ров. Ров наполнялся водою из Неглинной, на которой были устроены пруды, мельницы, шлюзы, и перерезал Красную площадь от Неглинной до самой Москвы-реки, обратив тем самым Кремль в остров. Проникнуть в Кремль отныне можно было только через подъёмные мосты. В 1516 г. через Неглинную был перекинут от Троицких ворот первый в Москве каменный мост с предмостным укреплением на противоположном берегу реки — стрельницей Кутафьей, в ворота которой вели также подъёмные мосты. С устройством рва и мостов возведение Кремля было в основном закончено. 31 год велись работы, превратившие Московский Кремль в красивейшую и сильнейшую крепость тогдашней Европы.

В отличие от Миланского замка — второй по силе европейской крепости,¹ с которою Кремль обычно сравнивается, он был выстроен на холме, омываемом двумя ре-

¹ Две сильнейшие крепости Европы XV в. — Милан и Мец значительно уступали Кремлю и по своим размерам.

ками, и умело применён к местности. Кремль был выстроен по последнему слову фортификационной техники, сделавшей в XV в. большой шаг вперёд в связи с изобретением пороха и огнестрельного оружия.

Оборонительная линия стен была вытянута не по прямой, а с изломами, так, чтобы с каждой стрельницы был виден ряд соседних. Это было необходимо для установления стратегической связи между защитниками и для флангового обстрела штурмующего врага. Спасская, Никольская и Беклемишевская стрельницы выдвинуты вперёд. Свиблова стрельница несколько отступает. Стрельницы расположены на таких расстояниях, что с них легко можно было обстреливать соседящее им прясло стены. Со стороны возможного приступа стрельниц поставлено больше. Поэтому между Тайницкой и Беклемишевской стрельницами — три малых, а между Тайницкой и Водовзводной на том же расстоянии — всего одна. Угловые стрельницы сделаны круглыми, чтобы лучше противостоять разрушительной силе пушечных снарядов.

Стрельницы представляли собой укрепления, способные каждое к самостоятельной обороне. В верхние этажи можно было проникнуть только через узкие отверстия по приставным лестницам. Из стрельниц вели длинные подземные выходы. Ход, открытый в 1894 г. на глубине 15 аршин, вёл от Тайницкой стрельницы через весь Кремль, выходил из Кремля у Никольской стрельницы и уходил к Никольской улице. Другой ход шёл от той же Тайницкой стрельницы к Варварке под церковью Василия Блаженного. Стрельницы оборонялись сильными гарнизонами. Каждая стрельница служила преградой для проникновения неприятеля на следующее прясло стены. Вместе с тем из стрельницы легко можно было подать помощь защитникам стены через выходы на прилегающее к ней прясло стены из этажа, находящегося на уровне верхнего хода стены. Благодаря этому можно было, не спускаясь на землю, обойти кругом все стены Кремля.

Верхняя платформа стен (ход по стенам) отличалась большою шириною и допускала передвижение крупных масс войска. С внутренней стороны Кремля эти платформы держались на арках, которые тянулись вдоль всех стен. Стены обладали тройным боем: подошвенным (нижним) для тяжёлых орудий, средним и верхним. Внутри стен существовал ход с бойницами. Бойницы имели глубокие откосы для поворота пищалей или метательных орудий.

Верхняя платформа защищалась зубцами в форме «ласточкинго хвоста», частью с бойницами, частью без бойниц. Первоначально вся нижняя часть стен была белокаменной, и лишь впоследствии, в результате многочисленных починок, выкрошившиеся части были заменены кирпичом. Теперь фундамент и цоколь кремлёвских стен сложены из белого камня, а остальная часть стен состоит из кирпичной кладки с белокаменным поясом посредине.

Под стенами Кремля шли ходы, выходы и «слухи» для перенимания вражеских подкопов. Со стороны реки Москвы стены Кремля были обведены дополнительной стеной с воротами, поставленными несколько наискось, чтобы исключить возможность прямого обстрела из-за реки. Со стороны Красной площади таких дополнительных стен было две, они представляли собою возвышавшиеся над уровнем почвы каменные, снабжённые зубцами, стены рва. Ров этот, глубиною до 6 сажен, тянувшийся на 253 сажени, был наполнен водой, гладко выложен камнем и имел внизу ширину в 14—16 сажен, а сверху — 17 сажен. Мосты перед Спасскими и Никольскими воротами были укреплены бастионами, поднимавшимися прямо со дна рва. На самой Красной площади на особом раскате стояли большие пушки, направленные на мост через Москву-реку, откуда могли появиться татары.

Ворота стрельниц были укреплены дополнительными «отводными» стрельницами, сохранившимися и сейчас (например, у Спасской башни). Эти отводные стрельницы приставлены вплотную к основной. На уровне второго этажа в отводной стрельнице шла внутри галлерея, огибавшая проездной пролёт со всех четырёх сторон и дававшая возможность обстрела прорвавшегося неприятеля сверху. Кроме того, ворота защищались герсами (подъёмными решётками).

Внешний вид кремлёвских укреплений был очень суров. Стрельницы не имели ещё разнообразных островерхих завершений, появившихся лишь во второй половине XVII в. Ощетинившийся тройным рядом стен, вооружённый многочисленной артиллерией, в которой имелись и громадные бомбарды, не уступавшие вылитой в 1488 г. «Царь-пушке» (2400 пудов), Московский Кремль был живым олицетворением неприступной силы русского национального государства.

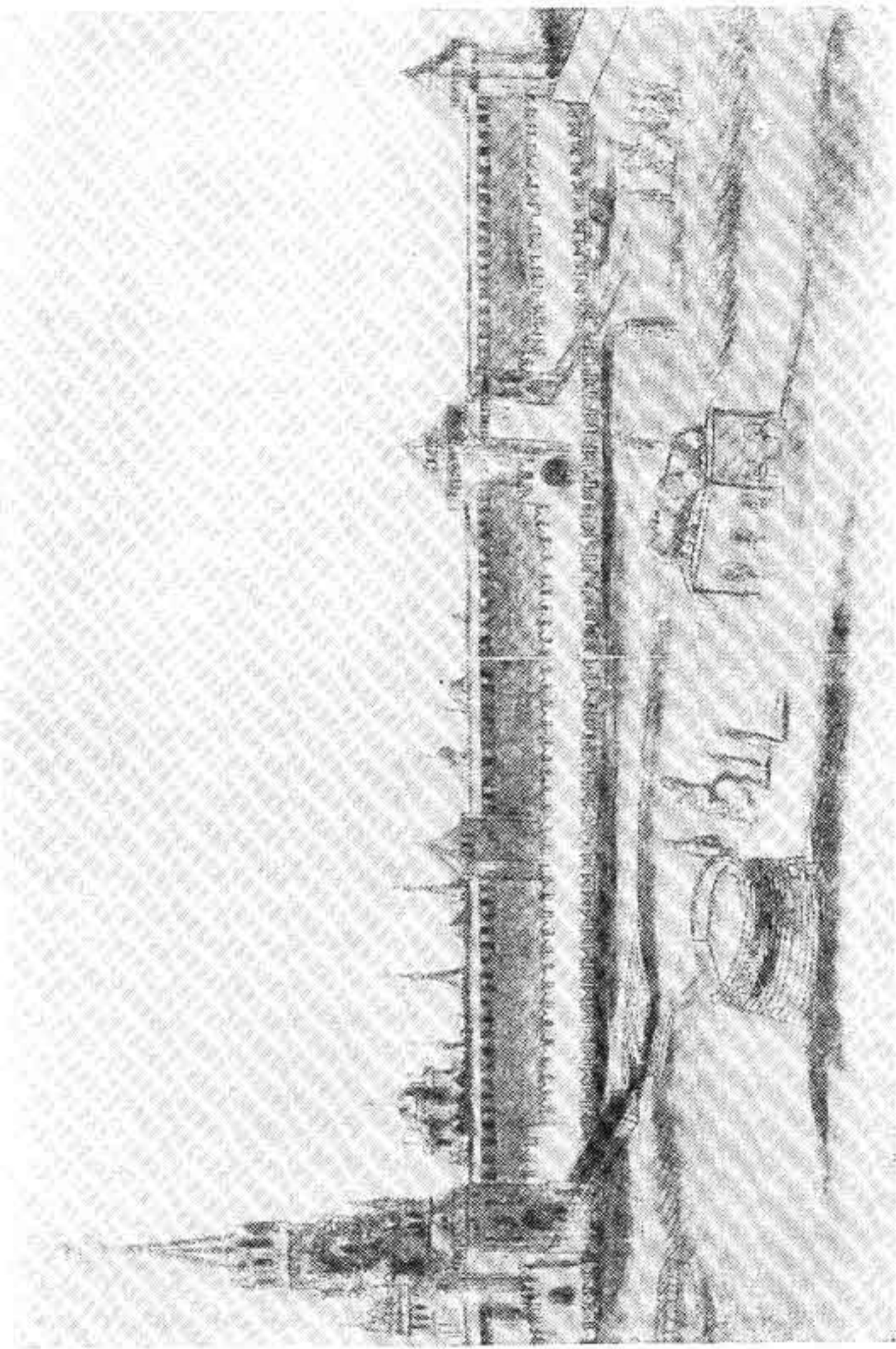
В 1535—1538 гг. укрепления Кремля были расширены устройством великолепных боевых стен Китай-города. Ки-

тайгородская стена имела до трёх сажень в высоту, тройной бой (верхний, средний и подошвенный), была укреплена монументальными башнями очень разнообразной формы, защищена глубоким рвом, тайниками, подземными ходами. У Никольских ворот находился огромный подземный водоём, где сохранялась вода на случай осады.

Несмотря на то, что в Москве сосредоточился обширный круг архитекторов итальянского Возрождения, вложивших большую долю своего труда в создание Московского Кремля, итальянского архитектурного ансамбля в Москве не получилось. Постройка Кремля была основана на чисто русских архитектурных принципах.

Расположение итальянских замков не учитывало особенности местности: итальянские архитекторы стремились выровнять неровности почвы и клали в план своих крепостных сооружений простые геометрические фигуры — прямоугольник, восьмиугольник и т. д. Для итальянского Ренессанса была типична строго замкнутая система форм, красота чистых пропорций, подчеркнутая чёткость членений. Архитектура Ренессанса почти не знала соединения разнородных частей в одно целое.

Между тем, русский архитектурный ансамбль Кремля был тесно связан с его местоположением: с холмом, который плавно огибали стены, с реками Неглинной и Москвой, по берегам которых протянулись его укрепления. Не систему чистых пропорций, а живописное сочетание архитектурных объёмов, громоздящихся и теснящих друг друга, представляет собою ансамбль Кремля. Из-за суровых стен Кремля вздымались кверху жизнерадостные русские золотые купола, пёстрые маковки, затейливые и разнообразные кровли кремлёвских теремов. Русская архитектура Кремля отличалась живописными контрастами, для неё были типичны сочетания построек различных стилей и различных эпох. Самые разнообразные стили входят в русской архитектуре в жизненно крепкие сочетания, легко становятся частями «своего» — русского. Даже обычные русские дворцовые постройки представляют собою сочетания множества отдельных строений, соединённых между собою переходами, крыльцами и лестницами. Высокие кровли этих построек, исключительно разнообразные в своих формах: кубастые, шатровые, бочками, колпаками и т. д., представляют собою самую характерную часть русских строений, всегда рассчитанных на вид издалека, на живописное соседство с конт-

Кремлёвская стена. Спасские и Никольские ворота
(С рис. Мейерберга XVII в.)

растирующими им постройками.¹ Так точно и в ансамбле Московского Кремля: стены его лишены самодовлеющего значения: они обрамляют выступающие из-за них типичным русским «кустом» строения; своею суровостью они повышают ощущение полноты жизни, свойственное яркой, живописной и праздничной русской архитектуре.

В русской архитектуре нет диссонанса между старым и новым, чужим и своим. Русский архитектурный ансамбль легко включает и подчиняет себе резко противоположные формы. Вот почему кремлёвский ансамбль продолжал органически развиваться и после своего создания — в XVI, XVII вв. Продолжает он жить и до сих пор. К итальянским стенам прибавились русские и английские затейливые островерхие завершения.² К зданиям XIV—XV вв. прибавились строения XVI, XVII, XVIII, XIX и XX вв. И Кремль продолжает жить как целый архитектурный ансамбль, поразительный по своей всеобъемлющей широте, по своей способности включать в себя, ассимилировать архитектурные создания различных веков и различных народов.

Ансамбль Кремля, располагаясь на крутом берегу Москвы-реки, открыто обращён во внешнее пространство; он чужд ренессансной замкнутости, исполнен открытой, властной и покоряющей красоты.

Создание различных архитекторов — русских, итальянцев, англичан — он русский по своей архитектурной идее, русский по самому своему духу. Торжественный и жизнерадостный, классически спокойный и интимно лиричный, Московский Кремль — живая история русского народа.

4

Однако заботы об общем национальном русском облике Москвы построением Кремля не ограничились. Национальные задачи, которые стояли перед Русским государством, поставили перед архитектурой проблему перенесения в каменное зодчество форм народного деревян-

¹ Русские считали высокие кровли наиболее нарядной частью строения. Высоту зданий как главный признак их красоты подчёркивает летописец при описании московского пожара 1409 г. Жалостно было видеть, пишет летописец, гибель церквей, которые «высокими стояньми» украшали «величество града».

² Английский архитектор Христофор Галловей построил, например, верх Спасской башни Кремля.

ного зодчества, наиболее, может быть, национального в своём типе. Русская архитектура первой половины XVI в. шла по пути создания каменного шатрового храма — деревянная церковь, в которой сплошь и рядом восьмигранный сруб увенчивался высокой кровлей с одной главой наверху. Этот новый тип каменного храма заимствовал свои формы из народного деревянного зодчества; постепенно усложняясь, он достиг необычайной декоративности, отвечавшей народным вкусам.

Первые опыты перенесения форм деревянной архитектуры в каменную относятся к очень давнему времени. Их, повидимому, можно было найти на Руси ещё до татаро-монгольского нашествия. Они были в старой Москве (церковь Ивана Лествичника с колоколами наверху, 1329 г.), и в Новгороде (круглая, «что столп», церковь в Хутыне, 1445 г.), и в Александровской слободе.¹ Однако только в XVI в. проникновение в каменное зодчество форм народного деревянного зодчества приобретает широкие размеры и идейную целеустремлённость обращения к народным началам.

В первой половине XVI в. была построена знаменитая Вознесенская церковь великокняжеской дворцовой усадьбы в селе Коломенском. Не случайно, что строительство нового, близкого к народному деревянному зодчеству храма принадлежало инициативе великого князя, а не митрополиту. Церковные власти строже придерживались традиционной, идущей ещё из Византии, планировки храмов. Великий князь мог свободнее воплощать в создаваемых по его инициативе церквях новые вкусы и общенациональные тенденции.

Вознесенская церковь (1532) поставлена на фоне безбрежной дали на высоком холме над Москвой-рекой. Она идеально гармонирует с окружающей природой и словно вырастает из поддерживающего её холма, с которым связана раскидистыми открытыми лестницами.²

Это в полной мере русская во всех своих формах постройка, хотя и использовавшая в декоративном отношении некоторые итальянские мотивы, внесённые, однако, в постройку с отступлением от правил итальянской архитектуры. Легко стремящийся вверх огромной высоты

¹ См. подробнее: *Н. Н. Воронин, У истоков русского национального зодчества, «Архитектура СССР», вып. 5, 1944.*

² Первоначально эти лестницы, повидимому, не имели кровель, которые принадлежат позднему времени.

«столи» смело увенчан высоким каменным шатром исключительной красоты. Высота Коломенской церкви превышает 60 м. и превосходит многие самые высокие постройки тогдашней Европы.¹ Основную часть постройки составляет типично русский, стремительно взлетающий двадцатиметровый восьмигранный шатёр. Кокошники смягчают уступы ярусов; мощные стены лаконично и выразительно украшены «стрелами» готического типа.

Первоначально церковь была двуцветной. Основной тон церкви был красный — кирпичный. На этом основном кирпичном фоне ярко выделялись выполненные белым известковым камнем детали. Двуцветность здания удачно подчёркивала архитектурную форму церкви. Впоследствии в XVI и в особенности в XVII в. такая двуцветная тональность стала излюбленной в русской архитектуре.

Те же два цвета — белый и красный — имела при своём построении и церковь Василия Блаженного на Красной площади.

Коломенская церковь произвела на современников сильнейшее впечатление. Освящение её было отпраздновано Василием III с необычайной торжественностью. Летопись отметила её красоту и «величество»: «допрежь такой не бывало на Руси».

Итак, образование русского национального государства было ознаменовано постройкой Московского Кремля, центральной святыни русского государства — Успенского собора и кристаллизацией нового национального, отвечающего народным вкусам, архитектурного стиля, стиля, отчётливее всего воплотившегося в строгом и мощном взлёте Вознесенской церкви села Коломенского.

¹ Высота собора в Бове — 47,5 м., собора в Амьене — 42 м.; только собор Парижской богородицы имеет в высоту 69 м.